

УДК 321.7

Д. В. Нежданов
Екатеринбург, Россия

**«ПУБЛИОКРАТИЯ» КАК АПГРЕЙД
«ДЕМОКРАТИИ»: ОТ ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВА
К ФОРМЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
УСТРОЙСТВА «ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ»**

ГСНТИ 11.15.24; 11.15.79

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу демократической формы общественно-политического устройства, значительно искаженной в практике государственно-политического строительства в современном мире. Предлагается новое представление о принципах и моделях повышения эффективности федеративного и регионального управления на основе внедрения альтернативной демократии форме общественно-политического устройства – «публиократии», основанной на перенесении достижений корпоративного управления в плоскость государственно-политического менеджмента.

Ключевые слова: демократия; публиократия; форма общественно-политического устройства; форма правления; государственное управление; политическая стратегия; политический дизайн; политический рынок.

Сведения об авторе: Нежданов Денис Викторович, Президент «Фонда национальной стратегии», Директор Межрегионального центра организационного и политического консультирования «Приоритет».

Место работы: Межрегиональный центр организационного и политического консультирования «Приоритет».

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 131, оф.133.
e-mail: prioritet2003@mail.ru, ndv123@yandex.ru.

D. V. Nezhdanov
Ekaterinburg, Russia

**«PUBLIOCRACY» AS AN UPGRADE
OF «DEMOCRACY»: FROM TERM BUILDING
TO THE FORM OF SOCIO-POLITICAL
STRUCTURE OF «TOMORROW»**

Код ВАК 23.00.02; 10.02.00

Abstract. The article is devoted to the critical analysis of the democratic form of socio-political structure of the society, which is distorted in contemporary state-political organization. The author presents a new vision of principles and models of increasing efficiency of federative and regional management on the basis of implementation of alternative to democracy form of socio-political structure – «publiocracy», which is based on transfer of achievements of corporative management to the plane of state political management.

Key words: democracy; publiocracy; form of socio-political structure, form of government, state management, political strategy; political design; political market.

About the author: Nezhdanov Denis Viktorovich, President of «National Strategy Fund», Director of Interregional Centre of Organizational and Political Consulting «Prioritet».

Place of employment: Interregional Centre of Organizational and Political Consulting «Prioritet».

Основу реализации политики как сферы деятельности человека составляет устное или письменное речевое воздействие. Дискурсивный характер политики выражается в том, что большинство политических действий являются языковыми, вербальными, текстуальными, речевыми, лингвистическими, будь то предвыборная агитация, прения в парламенте, закон, указ и т. д. Политические лозунги и призывы также являются неотъемлемой частью политического языка. «Такие выражения, – по справедливому замечанию зарубежных исследователей, – не просто украшают политические события, но и активно участвуют в формировании общественного мнения» [Спербер, Тинделл 2010: 181]. Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы «внушить адресатам – гражданам общества – необходимость "политически правильных" действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Полякова 2010: 126].

Таким образом, управление информационными потоками, терминологией и категорийным аппаратом политической науки в современном мире является существенным фактором завое-

вания и удержания политической власти. Публичное противоборство относится к числу информационных рисков, что требует введения носителями политического интереса особого режима управления общественным мнением и сознанием. Такой коммуникативный режим призван обеспечивать контроль над восприятием динамических процессов в социально-политической сфере, зачастую в непрямой, иносказательной, метафорической форме. Политические метафоры и производные категории, в свою очередь, «отражают и воспроизводят доминантные для определенных обществ ценности и оппозиции. Они оказывают значительное влияние на осмысление политической действительности, служат руководством к принятию решений и действию» [Будаев 2010: 9].

Вместе с тем необходимо отметить, что на данный момент сложилась ситуация, когда мировая общественно-политическая мысль столкнулась с кризисом несоответствия принятых терминов и категорий их классическому содержанию, закладываемому учеными и основателями политического языка в основу построения политических отношений. Одно из выраженных несоответствий классического содержания политического термина и его фактического со-

держания сейчас характерно для центральной категории общественно-политической мысли нового и новейшего времен – демократии. Как известно, данная категория политического языка характеризует наиболее прогрессивную форму общественно-политического устройства.

Представляется, что детальный анализ и построение актуальной производной категории, характеризующей форму общественно-политического устройства следующего века, способно заложить основу в совершенствовании политической практики за счет конституирования и лингвистической легитимации новых фигур политического языка, равно как и новых ценностей политической жизни современного общества.

Мировые кризисы последних лет отчетливо продемонстрировали, что демократия как привилегированная форма организации политической власти заложила основу для дискредитации собственного потенциала в качестве базиса общественно-политического устройства подавляющего числа современных государств, что закономерным образом делает актуальным вопрос о преемственности демократической формы правления как на уровне политической терминологии, так и на уровне политической практики.

Мировой демократический кризис проявился в деградации институтов демократической власти во всем мире. В Европе это проявилось в кризисе института партии, с которым граждане современного ЕЭС все меньше связывают надежды на повышение эффективности государственного управления.

Во Франции, например, на рубеже 80–90-х годов лишь 39% граждан демонстрировали удовлетворение выполнением партий своих представительских функций, 54% были им не удовлетворены, а сами политические партии за период 80-х годов потеряли около половины своих членов.

Согласно опросам, проводимым в Германии в 1997 г., только 24% респондентов выразили доверие к партии как политическому институту, в то время как 73% граждан Германии демонстрировали недоверие [Политический процесс: 91].

Любопытно, что и в современных США данные опросов свидетельствуют в целом об избегании гражданами той или иной партийной идентификации. Согласно исследованиям, более 50% респондентов не считают себя приверженцами той или иной партии, даже в случае если интервьюером вопрос формулируется в закрытой форме: «Сторонником республиканской или демократической партии Вы себя считаете?».

Необходимо отметить, что, например, в США выборы президента превратились в шоу, где в связи с особенностями избирательной системы кандидаты, получившие меньшее количество голосов, способны выигрывать выбо-

ры, оставляя позади даже кандидатов с более многочисленной поддержкой. (Дело в том, что в Соединенных Штатах на выборах всех уровней при наличии двух кандидатов победа одного из них достигается зачастую с очень незначительным преимуществом. Так, например, в 1960 году на президентских выборах за Кеннеди был подан 34 266 731 голос, за его соперника Никсона – 34 108 157 (разница составляла 0,17 %); в 1968 году за Никсона было подано 31 785 480 голосов, за Хэмфри – 31 275 166 (разница – 0,81 %); в 1976 году за Картера было подано 40 380 763 голоса, за Форда – 39 147 973 (разница – 1,59 %) [Жаглей 2007: 79]. И совсем анекдотичная ситуация, по свидетельству Н. Жаглея, сложилась на президентских выборах в 2000 году, когда с незначительным перевесом голосов победил Гор, однако из-за особенностей избирательной системы США главой государства стал Буш.)

Наметился и кризис ранее господствовавших политических идеологий.

Ярким примером специфического развития современного политического объединения в Европе выступает опыт трансформации Коммунистической партии Чехии и Моравии, которая не стала менять название, но поменяла сущность и логотип. Партия покаялась в грехах своих коммунистических предшественников, выбрала новую символику – две вишенки (перед одними из последних выборов в парламент каждый житель Чехии получил от коммунистов рецепт вишневого пирога) – и не допустила к партийному рулю ни одного представителя старой партийной гвардии.

Но что еще более важно, партия отказалась от пропаганды и разработки программ и законопроектов в духе классической коммунистической идеологии социального равенства и справедливости. В итоге в основу возросшей популярности партии была положена, например, не инициатива о закреплении прогрессивного налогообложения в духе шведской модели социализма, пользующейся уважением у современных чешских коммунистов, а агитация за безопасный секс и законопроекты о легализации однополрой любви. Видимо, неудивительно, что в ряды чешской компартии сегодня приходит все больше молодежи. По свидетельству специалистов, «о КПЧМ никак не скажешь, что это вымирающая партия, чей электорат состоит сплошь из пенсионеров» [Компартия разнуданного типа: 50]. В свою очередь, о политической эффективности такого рода шагов свидетельствуют те 40 мандатов, которые получила партия на выборах в парламент страны в 2002 году.

Строго говоря, государственные деятели в условиях демократического правления, по меткому замечанию отечественного политолога С. Пшизовой, вообще больше склонны формулировать политику, чтобы выигрывать на выборах, а не выигрывать на выборах, чтобы фор-

мулировать социально ориентированную политику во благо общества и государства.

Как отмечает В. С. Мартьянов, «ценностные идеологии трансформируются в прикладные политические технологии – заложенные в них ценности и цели либо уже реализованы, либо более не актуальны, но продолжают использоваться благодаря эффекту последствия или симуляции» [Мартьянов 2005: 149]. Результатом этого процесса становится активное смешивание антагонистических ценностей, предлагаемых классическими идеологиями, как в России, так и за рубежом.

В связи с этим конфигурации, или, иначе говоря, формы российского партийного дизайна подвержены «скороспелой» динамике, отвечая все новым и новым требованиям изменяющегося политического рынка. В роли идентифицирующих партии признаков начинают выступать разного рода «прагматизмы», «центризмы», «патриотизмы», «социал-консерватизмы» [см. Романов 2007], различного рода секулярные «фундаментализмы», поставленные на конвейерное производство знаменитости, «замышенные» «старые» из сфер кино, телевидения и СМИ (Н. Басков, О. Федорова («Родина»), С. Михалков (НДР), И. Кобзон, А. Розенбаум, А. Буратаева, С. Безруков, О. Газманов («Единая Россия») и т. д.

Так, основной целью современного партийного дизайна (производная субметафора от метафоры «политический рынок») становится повышение, с одной стороны, «**политической рентабельности**», с другой стороны, «**политической ликвидности**» партии, определяемой по аналогии с термином рыночной экономики как способность к постоянной смене собственных политических форм – самой партии, ее идеологии, политики управления партией, а также кадрового состава ее руководящих органов с целью приобретения наибольшего политического влияния, временной популярности и актуальной политической поддержки избирателями.

Любопытно в связи с этим выглядела 16 ноября 2008 года обнародованная «Русским радио» информация о самороспуске партии «Союз правых сил», создании на ее базе политического движения «Правое дело», где одним из представителей руководящих органов становится глава «Роснано технологий» А. Чубайс. В сообщении подчеркивалось, что представители руководящих органов, в соответствии с Уставом будущей партии, не обязаны быть ее членами. Теоретически это предполагает возможность руководства «Правым делом» членами «Единой России» или иных думских партий. С другой стороны, этот пункт Устава снимает зависимость партии от имени того или иного лидера. Представляется, что выход из СПС Н. Белых неблагоприятно отразился на имидже партии. Отсутствие же членства лидеров партии в самой партии страхует политическую организа-

цию от подобных демаршей лидеров и тем самым ослабляет зависимость инвесторов от воли соответствующих политических звезд. Все это во многом открывает возможности для политического маневрирования, например смены тройки лидеров, что обеспечивает исключительную политическую ликвидность как руководящих органов партии, так и ее лидерского состава, равно как и открывает более широкие возможности для толкования идеологической платформы и раскрутки нового политического бренда без установления прямой зависимости новой партии от идеологической ниши и исключительно правой идеологии. Под брендом «Правое дело» вполне можно временами избегать популяризации правой идеологии, ориентируясь на понятие «справедливость» как синоним «правого дела» в сознании россиян.

На политическом рынке, равно как и на рынках частных благ, торговые марки и бренды увязываются не столько с полезными потребительскими свойствами продуктов, сколько с символическими образами определенных стилей потребления. Люди начинают желать причастности к бренду, потому что с ним ассоциируются известные лица, задающие определенные стили потребления. Эти стили, таким образом, во многом выполняют функции постмодерновых вариантов политических идеологий, принимая формы квазиидеологий. В последних могут угадываться родовые признаки классических идеологий, что, однако, не мешает эксплуатировать их политикам достаточно свободно переходить от одних программных положений к другим, иногда противоположным, при этом лишь отчасти рискуя попасть впросак на выборах и потерять долю традиционного электората. Главенствующим же признаком современных квазиидеологий выступает их ассоциативная символическая насыщенность, способная в ряде случаев вернуть избирателя в его прежнее, дезинформированное, «первобытное» состояние. Состояние, позволяющее в условиях кризиса программно-идейной политической мобилизации относительно эффективно управлять им, добиваясь повышения явки, массового голосования «против» в виде массового голосования «за» и, наоборот, массового голосования «за», провоцируемого в целях диффузии социальной поддержки в конкурентной борьбе «против». Таким образом, человек «становится инструментом навязанных ему синхронизированных, систематизированных, типизированных и политически ангажированных процессов» [Мосорова 1999: 50].

Необходимо отметить, что партии как неотъемлемый атрибут политической системы современного демократического государства перестали быть избирательными машинами, в которых человек, даже будучи винтиком, имел свое маленькое значение для воспроизводства политической власти. Новая информационная эпоха, войдя в российскую политику, успешно

заменила небольшую роль человека-винтика, представлявшего своего рода hardware власти, увеличив роль его эмоционально-психологического состояния, программного обеспечения – software, узурпировавшего все мыслимые и немыслимые емкости и полости этого самого винтика в ходе выполнения им его исконной функции по выборному производству демократической власти. Именно в результате этого технологией борьбы по захвату власти стала практически неуловимая и недиагностируемая интеллектуальная война, напоминающая войну химико-бактериологическую, причем инструменты первой войны, интеллектуальной – политические идеи, – по меткому определению Заместителя председателя «Фонда национальной стратегии» Н. Н. Неждановой, «мутируют быстрее, чем самовоспроизводятся. Заинтересованные лица пытаются их причесать под старый партийный образ, который хотя бы условно гарантирует получение желаемой доли политической власти».

В некоторых случаях демократическая идеология вообще становится инструментом для геополитического передела власти, поводом «обложить динамитом» политических оппонентов, как это произошло в Ираке в ходе реализации политики давления на Ближний Восток со стороны США, равно как и на Украине, а затем в Грузии, где при помощи «оранжевых революций» была дестабилизирована политическая ситуация и внесен гражданский раскол в политический строй по методу «разделяй и властвуй».

Строго говоря, демократия в американской транскрипции стала инструментом идеологического манипулирования, разрушения национального суверенитета и политического подчинения многих государств, чей политический строй был пропущен через фильтры американской политической доктрины. В результате этого у многих стран исчезла самобытная государственность, была подорвана экономика и внесен значительный диссонанс в ход естественного исторического процесса национального и государственного самоопределения.

Политика разрушения и страха, конфронтационная силовая политика, на идеях которой авантюристы пришли к власти в США, обрушилось разорительными войнами на многие страны; политика наращивания финансового благополучия без учета долгосрочных последствий подорвала здоровье нации, но мода на американский стиль жизни, столь уверенно насаждаемая по всему миру, сделала почти неразличимыми вечные и конъюнктурные ценности. Одним из результатов тотальной зависимости от политической стратегии и коммуникативной лидерской доктрины мирового гегемона США стал риск краха мировой финансовой системы.

Представляется, что одним из путей выхода из сложившейся ситуации, связанной с гегемонией США на политическом и финансовом ми-

ровых рынках, может стать разработка и внедрение альтернативной и прогрессивной формы общественно-политического устройства, способной нивелировать идеологическую роль США как мирового «демократического» судьи с безусловным авторитетом.

Попробуем предметно подытожить проблемы современной демократии, которая, оставаясь «лучшей из худших» существующих форм политической организации общества в наши дни, заставляет все чаще ставить вопрос об эффективности демократического строя и возможностях его совершенствования.

Во-первых, демократия ориентирована на избрание людей в качестве представителей власти. Люди меняются, люди приходят и уходят, люди меняют свои взгляды, предпочтения, привычки, принципы. Люди зависимы, в результате чего правление конкретных людей становится сугубо рискованной формой организации государственной власти, способной поставить под вопрос перспективу развития самого прогрессивного экономического строя и «самобытного» народа.

Во-вторых, современная демократия – это «теледемократия», или демократия издалека. Известны случаи, когда некоторые кандидаты выигрывали выборы даже при отсутствии на территории государства, в котором проходила избирательная кампания. О какой ответственности государственного деятеля, фактически не участвующего в выборной кампании, может идти речь?

Любопытно, что даже коллективные политические акторы в этом плане не безгрешны. Так, в ходе проведения избирательной кампании в Государственную думу в 2007 году российским избирателям социологами ВЦИОМ был задан вопрос о том, какая партия, на их взгляд, показалась наиболее убедительной в телевизионных дебатах. Более 60% опрошенных ответили, что это – «Единая Россия». Между тем верная президенту партия, как справедливо отмечал австрийский «Kurier», вообще не принимала участия в теледебатах [Они о нас: 34].

Подобное гипнотическое состояние, которое вызывают СМИ в наши дни, по сути, полностью обесценивает «народную представительность» демократической власти. Ранее в древнегреческой республике оратор нес ответственность за свои слова, а, например, в действующей политической системе России вообще не предусмотрен досрочный отзыв государственных деятелей, что, без сомнения, не соответствует демократии в подлинном смысле.

Демократия, будучи легальной формой правления, стала постепенно утрачивать легитимность. В связи с этим видимая лояльность власти в России главным образом поддерживается информационной политикой и PR в частности и технологиями политического маркетинга в целом, что в некоторой степени сдерживает рост социальной напряженности.

При этом нельзя забывать, что утрата в действующей политической системе России конкурентности власти не всегда свидетельствует о политическом регрессе государства. Напротив, именно упорядочение курсов воспроизводства политической власти, уменьшение количества партий и ограничение политической полемики, произошедшие в рамках внедрения концепции «суверенной демократии» В. Ю. Суркова, в последние годы привели к стабилизации жизни населения страны, росту международного политического и экономического влияния России, что, несомненно, выглядит значительно более прогрессивно, чем состояние «младодемократической» Украины, находящейся последние годы на грани дефолта, и «псевдодемократической» Грузии, находящейся на грани гражданской войны.

Ограничение публичной конкуренции власти не привело к ликвидации политической конкуренции как таковой. Дело в том, что в политических кругах при монополярной форме правления верховной элиты стали соперничать ее составные части, ориентированные на усиление своего положения в верхах за счет представления конкурентных политических решений, актуальных политических идей, ориентированных на разрешение возникающих государственных задач. В этой связи отметим, что если справедливо мнение исследователей, утверждающих, будто в рамках однопартийной системы в СССР конкурировали различные картели власти, можно смело указать на то, что именно эта модель и воспроизводится в России сегодня. «Многopартийность» расцветает в рамках единой политической структуры. Если, исходя из этого, эксплицировать метафору политического рынка, то, по заключению В. Ковалева, мы увидим политическую систему России в качестве «административного рынка» с огромным дефицитом предложения» [Ковалев 2007: 31]. Здесь можно упомянуть слова В. Ключевского, утверждавшего, что в России не было партий, а была лишь борьба учреждений. Это суждение, по справедливому заключению О. Гаман-Голутвиной, очень точно характеризует современную ситуацию, когда за борьбой партий скрывается противостояние различных фракций кремлевской бюрократии, в ходе которого в 2003 году одно ее крыло курирует «Единую Россию», другое – Народную партию, а вместе все поддерживают блок «Родина». На выборах 2007 и 2008 годов меняются лишь некоторые наименования партий и фамилии кандидатов, в то время как бюрократическая система в целях обеспечения своего доминирования по-прежнему использует все возможные ресурсы, начиная с «франчайзинговой» эксплуатации «политического бренда» второго президента России и заканчивая строгой отчетностью служащих за правильную отметку в бюллетене. Немаловажное значение также, судя по всему, имело традиционное редактирование электро-

альной базы, когда численность избирателей, по наблюдению экспертов, в кварталный срок могла изменяться на федеральных выборах от «плюс» 1,6 миллиона до «минус» 1,9 миллиона на тех территориях, где это было политически оправдано [Орешкин, Козлов 2008: 63].

Политическая конкуренция в России начинает приобретать отличный от классического понимания партийной конкуренции характер. Сейчас создаются конкретные молодежные политические движения, способные со временем выращивать профессиональных, грамотных политиков и управленцев, что неизбежно стимулирует ротацию кадров внутри самой власти, так или иначе ориентированной на рост собственной эффективности. Нельзя также забывать, что власть ориентирована на ограничение публичной политической борьбы, идущей 24 часа в сутки, за счет использования разных технологий. Среди последних можно выделить тайные межведомственные вмешательства, искусственно стимулируемую политическую конкуренцию, столкновения апологетов различных идеологических подходов, тайные дотации общественным организациям, предоставляемые наиболее ретивым оппонентам действующей власти и другим силам, умело ослабляющим ее потенциал, равно как и перспективу внутригосударственного и геополитического развития России.

В-третьих, демократия абстрактна. В условиях демократической формы организации государственной власти демократическим и прогрессивным считается то, что на руку действующей власти. Такая власть неподотчетна, поскольку она сама себе задает критерии успешности и сама преподносит обществу свои успехи в наиболее привлекательной форме.

В наши дни федеральная власть постепенно выстраивает публичную политическую дискуссию на языке общенациональных ценностей, при этом «стремление быть единственным модератором такой дискуссии и жестко блюсти ее рамки», по свидетельству главного редактора журнала «Полития» С. И. Каспэ, «изрядно портит все дело» [Каспэ 2009: 16].

Так в условиях демократической организации государственной власти элита «возделывает» государственных деятелей, а государственные деятели «возделывают» элиту. В результате складывается ситуация, когда общество является статистом этого взаимодействия, и получается как в анекдоте: «Денег нет, топора нет, еще должен, и вроде бы все правильно!».

В свою очередь, «российская элита, – по меткому выражению С. В. Мошкина, – не верит в возможность скорого демократического оживления масс. Отсюда полная поглощенность нынешнего правящего класса реализацией своих интересов, пренебрежение к волне компроматов и к возможности собственной дискредитации» [Мошкин 2003: 158].

Другое дело, что в этих условиях власть

лишь частично прикрывается элитой, а элита властью. Существенные экономические потрясения в условиях отсутствия системной экономики «банкротят» элиту, элита «банкротит» общество, а общество – власть. Общество становится неуправляемым, обостряются риски тяжелых социальных конфликтов и гражданских войн, на международной арене государство и власть становятся уязвимыми, а элита – невосребованной. Ощущение бесполезности и неактуальности ослабляет власть. Возникает вопрос: «А этого ли хотят государственные деятели для своего государства?». В подавляющем большинстве случаев политическая элита дает на него отрицательный ответ.

В-четвертых, как мы убедились, демократия исключает из продуцирования успеха само общество. Она использует его потенциал лишь в малой степени, легитимизируя свои политические ходы за счет аналитических передач, избирательных кампаний, референдумов, в то время как общество становится все более индифферентным к демократическим процедурам, занимаясь вопросами самообеспечения.

Растет абсентеизм, снижается норма политического участия молодежи, уходит из жизни пожилой электорат, ликвидируются барьеры явки и графа «против всех», в результате чего даже формальная легитимность выборов может девальвироваться.

Ответственность за процветание государства ложится исключительно на элиту и государственных деятелей, тогда как общество живет своей жизнью, в лучшем случае не мешая власти, в худшем – устраивая волнения, уклоняясь от налогов и демонстрируя неуправляемость. Расслоение общества достигает апогея, и элита уже боится выйти на улицы родного города, отгораживается высокими заборами «Рублевки», бронированными стеклами автомобилей и многими километрами, отделяющими ее на фешенебельных курортах от Родины, страны, давшей жизнь и успех.

Когда у российского олигарха появляется все, он где-то в глубине души начинает понимать, что счастье в создании блага для общества он утратил там, в лихие 90-е, там, когда дал денег Y-лову на думский мандат, прикрывая собственные «тылы» от проверок контрольных органов. Там, когда отдал дочь в швейцарский пансион и наблюдал, как она забывала родной язык. То, чего он ждал долгие годы, нет и может никогда не быть. Он живет не в той стране, рядом не с теми людьми, не с самим собой!

Такие представители элиты озабочены завоеванием власти и денег, лишены подлинного смысла жизни в демократическом государстве со свободно регулируемым рынком. И нет в такой стране ни великих открытий, ни больших свершений, нет уважения к такой стране, нет счастливого общества, общества благополучных людей, живущих в гармонии с миром, с са-

мыми собой. А почему? Потому что нет той цели, к которой идет весь город, весь район, весь округ, вся страна, вся планета. Нет ее – каждый сам по себе.

Уже поэтому можно с уверенностью констатировать признаки летального исхода демократии: она не продуцирует новых идей, мнений, решений, она почти не дает новую жизнь, а все чаще становится признаком когда-то прогнозируемого благополучия. Другое дело, что демократия дала потомство: сильное, уверенное, долгожданное, необходимое, но пока мало кому известное.

Демократия находится на грани летального исхода, и у ее смертного одра стоит «публиократия»: власть публичности, власть эффективности, власть ответственности, стратегическая власть «воплощаемых состояний».

Этимология слова «публиократия», по нашему замыслу, происходит от контаминации двух латинских лексем – «publius» (публичность) и «cratos» (власть). Опыт демократической модели власти показал, что подлинная публичность и открытость демократической власти иллюзорна и носит имитирующий характер, в связи с чем понятие демократии дискредитировало себя и требуется не только новая, более прогрессивная форма общественно политического устройства, но и новое название, характеризующее открытую коллегиальную публичную власть. В чем же ее суть?

«Публиократия», *во-первых*, форма организации государственной власти, когда общественность призывается к голосованию не за людей, а за стратегии общественного и государственного развития и методы их реализации, где результативность их воплощения оценивается по предметным, осязаемым критериям.

Во-вторых, «публиократия» – ответственная власть, предполагающая четкий ведомственный контроль эффективности управления городом, государством, регионом, предусматривающий ротацию власти при неудовлетворительном уровне реализации поставленных стратегических и оперативных задач.

В-третьих, «публиократия» – это власть публичного управления, вовлекающего сознание всего населения в решение общегосударственных задач, стимулирующих появление мощнейших мыслеформ политического сознания на основании идеологии «позитивного перспективизма» и теории «воплощаемых состояний».

В-четвертых, «публиократия» – это универсальная форма совершенствования системы государственного управления в стране с любой формой правления, что исключает разрушение политического сознания, главенствующего в том или ином государстве.

Применительно к России «публиократия» – это организация государственной власти на основе вынесения на голосование на уровне городов, регионов, федеральных округов, фе-

деральных органов исполнительной власти и на уровне федерации двух-трех разработанных проектов государственного развития с целью выбора и легитимации одного из них, концентрации на единой стратегии, обеспечиваемой поддержкой большинства избирателей, создающей во время публичной кампании мощнейшие мыслеформы «воплощаемых состояний» политического сознания элиты и электората, оформленные в соответствии с единой «позитивно-перспективистской» методологией.

Такие проекты должны обеспечивать установление контрольных точек реализации стратегий развития территорий, соревновательность взглядов на методы воплощения видения развития регионов, являться единой отправной точкой, единым описываемым «воплощаемым состоянием», подлежащим реализации в ходе внедрения соответствующих стратегий развития.

Кроме того, в условиях обеспечения идеологического лидерства России публиократия способна быть легко экспортируемым политическим режимом, способным интегрировать межгосударственные образования, такие как Евросоюз, ШОС, БРИК и другие. «Однонаправленность» взглядов большинства граждан из числа населения страны или даже нескольких стран – участников той или иной международной организации сотрудничества способствует созданию мощных «мыслеформ» политического сознания, связанных с концентрацией населения на реализации стратегических задач государственного развития на уровне города, региона или страны, способных в сжатые сроки решать актуальные проблемы внутригосударственного и геополитического развития.

Демократия постепенно выходит из своего «продуктивного возраста». В связи с этим многие годы мир является свидетелем рождения государств, по-разному искажающих концепцию демократии и не способных к адекватному развитию.

Федеративное управление современным многонациональным государством, равно как и небольшим субъектом международного права в условиях «публиократии» должно быть оформлено в качестве публичной государственной стратегии, проецируемой в соответствующем масштабе на региональные образования, а также соответствующие города, входящие в состав государства, равно как и на уровень соответствующих ветвей власти, а также отдельных государственных органов.

Стратегия регионов (план развития на фиксированный период времени, например 5 лет) должна повторять в общих принципах стратегию государства. Стратегические государственные цели должны быть приоритетными по отношению к целям развития регионов и муниципальных образований, входящих в состав государства. При этом каждый субъект федерации формулирует соответствующую стратегию раз-

вития, руководствуясь принципом исполнения стратегии развития государства, в которое он входит.

Федеральные органы исполнительной власти и их подразделения на территориях также обязаны вырабатывать свои стратегии развития и достижения целей в соответствии с идеологией «позитивного перспективизма» и теорией «воплощаемых состояний» в обеспечение государственной стратегии развития. Федеральные министры, главы и заместители глав субъектов федераций должны регулярно предоставлять проекты реализации стратегии подведомственных регионов и отчитываться по реализации принимаемых стратегий на плебисцитах (референдумах).

Государственные деятели должны получать денежное довольствие и премии по результатам успешной реализации стратегии развития регионов.

В случае отставания в реализации стратегических планов возможно депремирование или досрочное освобождение от занимаемых должностей государственных служащих категории «А» и «Б» на основании несоответствия результатов эффективности управления поставленным планам.

В разработке стратегии государственного развития, регионального развития, развития муниципальных образований, а также стратегии органов исполнительной власти должны принимать участие:

- 1) действующие государственные должностные лица;
- 2) члены политических партий;
- 3) представители общественных объединений;
- 4) представители объединений промышленников и предпринимателей;
- 5) представители высшей школы;
- 6) представители научного сообщества и молодежных объединений.

Отчеты по разработке альтернативных стратегий, в соответствии с концепцией «публиократии», необходимо сделать публично транслируемыми при помощи СМИ в условиях публиократических электоральных процедур.

Такая технология организации государственной власти позволит выстроить единую систему политических ценностей и обеспечить социокультурную интеграцию общества, эффективность которой будет измеряться результатами реализации стратегий развития регионов, а также федеральных стратегий. Проект комплекса показателей, необходимых для разработки и внедрения ключевых критериев оценки эффективности «публиократических» стратегий, представлен ниже.

Система построения федеративной и региональной стратегий развития государства

	<i>Россия</i>	<i>Регион</i>	<i>Муниципальное образование</i>
<i>Воплощаемое состояние</i>			
<i>Позиционирование</i>			
<i>Размер бюджета</i>			
<i>Уровень собираемости налогов</i>			
<i>ВВП</i>			
<i>Уровень экспорта</i>			
<i>Уровень импорта</i>			
<i>Уровень занятости населения</i>			
<i>Уровень экономического роста</i>			
<i>Уровень промышленного роста</i>			
<i>Уровень криминогенного благополучия (преступность)</i>			
<i>Уровень социальной ответственности должностных лиц (коррупция)</i>			
<i>Уровень санитарно-эпидемиологического благополучия</i>			
<i>Уровень физического благополучия населения (здравоохранение)</i>			
<i>Уровень жизни населения (покупательская способность)</i>			
<i>Продолжительность жизни (смертность, рождаемость)</i>			
<i>Уровень обеспеченности населения жильем</i>			
<i>Уровень обеспеченности населения продуктами питания</i>			
<i>Уровень продовольственной безопасности</i>			

Внедрение в систему государственного управления методов менеджмента с целями и контрольными показателями является ярким примером эффективного заимствования технологий корпоративного управления, применяемых в целях повышения эффективности развития крупного частного бизнеса и акционерных обществ, чей месячный оборот зачастую превышает годовой бюджет отдельных государств.

Казалось бы, очевидно, что тот или иной орган власти, его отдельные подразделения должны ставить перед собой определенные цели и ориентироваться на перечень объективных показателей, позволяющих оценивать динамику движения к ним. При этом технология этого простого процесса на деле оказывается

достаточно сложной для представителей федеральных и региональных органов власти без соответствующей методологической поддержки, оперативного управленческого контроля и последовательности внедрения со стороны верховной власти в целом и отдельных ведомств в частности.

В результате внедрения комплекса проектно-критериального менеджмента в условиях «публиократической» формы организации политической власти в каждом конкретном случае становится возможным:

- сконцентрировать внимание органов власти на реализации стратегии и решении приоритетных задач;
- проявить возможности четко и в то же вре-

мя оперативно распределять ответственность между различными органами власти и их подразделениями;

- сформировать новую систему мотивации, стимулирующую служащих к достижению конкретных результатов, а не к привычному «добросовестному выполнению» служебных обязанностей;

- получить массив информации, достаточный для объективной аттестации сотрудников, для оценки адекватности принимаемых ими решений масштабу и сложности возникающих задач.

Разработка стратегии соответствующего масштаба выводит государственных должностных лиц за пределы срока их назначения или периода, на который были избраны, например, представители местной власти.

Законодательно установленное активное стратегическое проектирование системы государственного управления субъектом РФ, совместное участие в работе по созданию стратегии всех ветвей власти, представителей бизнеса, науки, политических партий и общественных организаций, экспертных сообществ и населения регионов способно освободить результаты ее внедрения от лишнего груза текущих проблем управления и корпоративных интересов, сформулировать компромиссы и служить основой контролируемого социально-политического консенсуса. В этом случае содержание стратегии сможет стать внутренне устойчивым и «пережить» смену лидеров, а также стимулировать лояльность лиц, замещающих государственные должности на уровне субъектов РФ, по отношению к верховной власти и направляющей роли Администрации Президента и федерального правительства, – только таким путем возможно улучшить методы реализации предложенных планов.

Построение «публиократии» и реализация комплексного проекта поэтапного внедрения критериально-проектного управления в систему федерального и регионального управления РФ с целью повышения эффективности развития субъектов РФ, а также планирования и контроля эффективного управления со стороны верховной власти требует проведения подробных консультаций с уполномоченными должностными лицами.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что концепция «публиократии» является своего рода «утопией», если ее интерпретировать с точки зрения классической этимологии понятия – как «место, которого нет». С другой стороны, вполне очевидно, что теоретические постулаты концепции «публиократия» как «апгрейд» демократии могут служить фундаментальной методологической основой для принятия решений на государственном уровне «в режиме реального времени» не только в условиях современной России.

Публиократия – это новая форма прогрессивного политического устройства современно-

го государства, являющаяся залогом формирования в обществе консенсуса, объединяющая в своем содержании «демократический» авторитет участия народа в отправлении «социальной» и государственной власти с «аристократической» управленческой компетентностью государственных и общественных деятелей, действующих с ориентацией на конкретные критерии оценки проводимой политики, очерчиваемые и утверждаемые с помощью публичных политических процедур, дабы минимизировать злоупотребления государственной властью и пренебрежение ее эффективным использованием во благо общества и государства со стороны назначаемых и выбираемых государственных должностных лиц в условиях определяемых населением среднесрочных стратегий развития стран, регионов и городов, предусматривающих личную ответственность служащих за результативность реализации принимаемых планов развития.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В. Политическая метафорология: курсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 С. 9–24.

Жаглей Н. Ю. Особенности национальной североамериканской демократии // Свободная мысль. 2007. № 7. С. 79.

Каспэ С. И. Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай (II). // Полития. № 4. 2009. С. 16.

Ковалев В. А. О перспективах политических партий в РФ // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 31.

Компартия разнужданного типа // Коммерсант. Власть. 2003. № 42 [545]. С. 50.

Мартьянов В. С. Постмодерн – реванш «проклятой стороны модерна» // Полис. 2005. № 2. С. 149.

Мосорова Н. Н. Философия дизайна. – Екатеринбург: Архитектон, 1999.

Мошкин С. В. Россия как демократия? // Дискурс Пи: научно-практический альманах. – Екатеринбург. Вып. 3. 2003. С. 158.

Нежданов Д. В. Манипулятивная политика: дискурс популизма // Дискурс Пи: научно-практический альманах. – Екатеринбург: Изд-во УрГСХА, 2001. Вып. 1. С. 33–35.

Нежданов Д. В. Политический маркетинг: вчера, сегодня, завтра. – СПб: «Питер», 2003.

Нежданов Д. В. Электоральный менеджмент. Ч. 1: Введение в организацию современной избирательной компании. – Екатеринбург, 2003.

Нежданов Д. В. Демаркетинг в теории и практике современного политического консультирования // Дискурс Пи: научно-практический альманах. – Екатеринбург: Изд-во УрГСХА, 2004. Вып. 3. С. 147–149.

Нежданов Д. В. К вопросу о понятии «партийный дизайн» // Социум и власть. 2006. № 3. С. 80–85.

Нежданов Д. В. Политический рынок: основы типологизации // Социум и власть. 2008. № 3. С. 73–82.

Нежданов Д. В. Политический рынок и партий-

ный дизайн в современной России: опыт метафорического моделирования становления партийной системы. 2010.

Нежданов Д. В. «Публиократия» – это стратегическая перспектива российского политического дизайна // Советник. Профессиональный журнал об управлении общественными связями. 2010. № 5. С.4–12.

Нежданов Д. В., Русакова О. Ф. Метафора «политический рынок» как методологическая основа и дискурсивный компонент политических исследований // Полития. 2009. №4. С. 109–114.

Они о нас // Коммерсант. Власть. 2003. № 48 [551] (8–14 декабря). С. 34.

Орешкин Д. Б., Козлов В. Н. Выборы и демография: конфликт статистик // Свободная мысль. 2008. № 3. С. 63.

Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: сборник учебных материалов [под ред. Е. Ю. Мелешкиной]. – М.: «Инфра М», 2001.

Полякова И. С. Роль прецедентного имени в формировании эзотеричности политического текста. // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 126–130.

Романов Б. С. Становление многопартийной системы в постсоветской России // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 29–43.

Спербер Х., Тинделл Дж. Н. Слова и выражения в американской политике: правда и вымысел о Солт-ривер // Политическая лингвистика. 2010 № 1 С. 181–184.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. – М., 2007.

© Нежданов Д. В., 2010